

Кудрявцева Раисия Алексеевна

МАРИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА В БЫТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Статья посвящена рассмотрению образа марийской женщины в бытовом пространстве послереволюционного времени в рассказах Д. Орая "По воле родителей" и И. Ломберского "Майтук". В ней впервые сделана попытка через выявление мотивно-образных кодов, фиксирующих хронологическое восприятие женщины и степень привязанности ее сознания к культурно-бытовому пространству старого и нового времени, определить особенности гендерной репрезентации марийской этноидентичности в прозе 1920-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 130-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.511.151

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению образа марийской женщины в бытовом пространстве послереволюционного времени в рассказах Д. Орая «По воле родителей» и И. Ломберского «Майтук». В ней впервые сделана попытка через выявление мотивно-образных кодов, фиксирующих хромотопическое восприятие женщины и степень привязанности ее сознания к культурно-бытовому пространству старого и нового времени, определить особенности гендерной репрезентации марийской этноидентичности в прозе 1920-х годов.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; рассказ; пространство и время; этногендерные стереотипы; гендерная репрезентация марийской этноидентичности.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru

**МАРИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА В БЫТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА)**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Этногендерные стереотипы характера и поведения индивида достаточно ярко проявляются в бытовом пространстве времени. Бытовое пространство – семья, дом, близкое окружение – не только сохраняет архаическое сознание, традиционные ценности, но и подвержено влиянию исторического времени. Особенно важно данное пространство для понимания этнически значимого образа женщины, хранителя традиционного ценностного пространства и транслятора его во времени.

Объектом исследования в данной статье являются рассказы Дмитрия Орая . По воле родителей (1929) и Ильи Ломберского . Майтук (1927), в которых исходной повествовательной ситуацией становится сватовство. Цель статьи – рассмотрение образа марийской женщины в бытовом пространстве послереволюционного времени. В ней впервые сделана попытка через выявление мотивно-образных кодов, фиксирующих хромотопическое восприятие марийской героини-женщины и степень привязанности ее сознания к культурно-бытовому пространству старого и нового времени, определить особенности гендерной репрезентации марийской этноидентичности в послереволюционной прозе.

Традиционная пространственно-временная перспектива для марийской девушки, запечатленная в послереволюционной прозе, – это перемена дома, расширение семейных границ, ожидание нового . гнезда в чужом доме и в чужой семье. С данной перспективой, актуализированной в марийской прозе 1920-х годов в силу самой осваиваемой в художественной проекции исторической ситуации перелома, глубоко затронувшего и бытовой уклад жизни народа, связана, в первую очередь, этнографическая тема сватовства. Художники осмысливают в новых общественных условиях традиционные типы поведения и сознания марийской женщины, соотнося пространственные архетипы сватовства с реалиями нового времени, несущего новую культурно-этическую парадигму жизни. В контексте таких художественных задач, именно как порождение нового времени, входит в литературу проблема личностной свободы марийской женщины.

В вышеуказанных произведениях обоих авторов представлено переломное время в бытовом укладе жизни, когда произошла активная трансформация семейно-бытовых традиций народа. Оппозиция этого времени – традиция и ее разрушение (новое) – максимально отражена в их сюжете. Концовка рассказов, в которых, собственно, окончательно закреплена авторская концепция нового времени, в обоих случаях одинаковая. И Орай, и Ломберский представляют в ней этнографическую тему в счастливом (то есть в парадигме нового времени) ее разрешении (победа любви над вековой традицией сватовства за нелюбимого . по воле родителей). Однако сама нарративная история в них заметно отличается. В рассказе Д. Орая вышеуказанной развязке предшествует бремя страданий в семье нелюбимого мужа. В рассказе же И. Ломберского, лишённого трагизма состояния героини, сюжет держится на лавировании между двумя типами этнического поведения (традиционного и радикального), в начале рассказа напоминающего некую игру, на грани следования этногендерным ролям и имитации свободного выбора отца и дочери в ситуации сватовства и решающей роли характера самой невесты.

Рассказ . По воле родителей больше ориентирован на архетипическое бытовое пространство и мотив страдания, что подчеркнуто и самим названием произведения, а рассказ . Майтук – на потенциальную возможность перемен и современный мотив личностной свободы, характеризующей пространственное бытие нового времени. Соответственно в сюжетной пружине первого рассказа ключевыми становятся страшные последствия старинного марийского обычая. Отец действует против воли дочери в соответствии с исторически сложившимися этногендерными ролями: мужчина (отец, муж) – . хозяин семьи, дома и жизни; женщина, если не . вещь», то непременно подчиненное . существо, не имеющее своего голоса. Тем самым он обрекает ее на несчастье и муки. Ключевым для сюжета второго рассказа оказывается правило новой жизни: . борьба» за замужество по любви.

Подтвердим эти выводы через рассмотрение мотивно-образных кодов, фиксирующих хромотопическое восприятие марийской героини-женщины, степень привязанности ее сознания к культурно-бытовому пространству старого и нового времени, общепринятым в них гендерным ролям. Эти коды в обоих рассказах связаны с топическим пространством, которым является, в первую очередь, родительский дом, встречающий

сватов и становящийся местом, где «завязывается», нарративная трансформация (изменение состояния героини). При этом в одном из рассказов («По воле родителей») представлено паратописческое пространство («квалифицирующее испытание» [3, с. 127]), с помощью которого вырисовываются традиционные модели сознания и поведения марийской женщины и ее этноценностные стереотипы; в другом произведении («Майтук») – утопическое пространство (в восприятии героини в этом пространстве заключен «объект поиска» – желаемый будущий жених [Там же, с. 187]), в нем «реализуются свершения» [Там же, с. 190], что является свидетельством вывода образа марийской женщины из рамок архетипического представления.

В рассказе Д. Орая представлено более объемное и растянутое паратописческое пространство. В последующей нарративной истории характерное для этого пространства противоборство между субъектом (Тайра) и антисубъектом переносится из родительского дома в дом мужа. Если в ситуации сватовства антисубъектом выступал отец героини, насильно, хладнокровно отдающий свою дочь в богатую семью жениха, то в бытовом пространстве новой семьи таким антисубъектом становится муж Тайры – беспечный, эгоистичный и разнузданный Опой. Последний «поединок» Тайры с мужем-тираном («главное «квалификационное испытание» и «сквозной мотив войны мужского и женского» [5, с. 13]) заканчивается неожиданным воссоединением с любимым и любящим человеком, спасшим ее от гибели, и клятвой Вачая быть рядом навеки («Я буду с тобой! Я теперь всегда и везде буду с тобой, Тайра!» [4, с. 128]). Утверждение новой этногендерной роли марийской женщины в бытовом пространстве времени (право на любовь, счастье, личностную самореализацию) происходит через испытание унижением и страданием. Если ценностная природа женщины в традиционном дискурсе определялась смирением, сдержанностью в чувствах, способностью приспособления, волей к жизни, то в новом художественно-историческом дискурсе – уже искренностью, готовностью к счастью с любимым.

Естественный и искренний плач Тайры из-за нежелания выйти замуж за нелюбимого человека воспринимается мужчинами не как нормальное явление, а только как необходимый элемент обряда. Жених Опой, глядя на плачущую Тайру, размышляет так: «Удивительное дело! Любая девушка в округе считала бы себя самой счастливой, если бы к ней посватался такой жених, а Тайра, вон, плачет, слезами заливаясь. Впрочем, верно, и она рада в душе, да нельзя этого показывать – таков обычай» [Там же, с. 114]. В подтверждение этой мысли можно привести и слова Осыпа, выступающего в роли свата, обращенные к отцу Тайры: «Слушай, Корий, да неужели ты не знаешь, что девушки всегда плачут, когда их сватают? Иначе нельзя! Это обычай!» [Там же, с. 115]. Мужчины отчасти переносят на женщину свой образ мыслей, связанный с обрядовыми действиями: «... в душе Корий давно решил, что лучшего жениха, чем Опой, и пожелать трудно, однако, следуя обычаю, он делает вид, что не соглашается на уговоры...» [Там же, с. 114]. Как видим, в мужском сознании все детерминанты поведения женщины связаны только с силой обычая, в котором жестко определена роль женщины; женщина с ее собственными мыслями и чувствами отсутствует в орбите всех решений. Отец девушки Корий уверен в исключительной правильности своих рассуждений и поведения, которые в ситуации сватовства выступают также как весьма традиционные: «Не дури, дочка! – прикрикнул на нее отец. – Мне седьмой десяток, слава богу, знаю, что говорю: лучшего жениха, чем Опой, нам не найти. За бедняка выйдешь – натерпишься горя. А с Опоем всю жизнь счастливо проживешь. Сейчас же выйди с женихом!» [Там же, с. 115]. Мать Тайры – это воплощение архетипического образа марийской женщины, человеческой, но смиренной; она бесправна и безучастна в судьбе дочери: «Пригорюнившись, <...> жалостливо смотрела на дочку» [Там же]. Она говорит в ответ на просьбу плачущей дочери заступиться за нее: «Что же я могу поделать, дитяtko дорогое! Не моя ведь воля! Отец велит, он хозяин. Пожалее тебя – он со свету сгонит. Покорись, дочка. Такая уж наша доля: я и сама жениха до свадьбы в глаза не видала. А вот вышла – и ничего, сколько лет уж живем...» [Там же].

Развязка рассказа «По воле родителей» фиксирует изменение пространственно-гендерной роли мужчины по отношению к женщине. Вместо всевластия и игнорирования мира чувств и переживаний женщины, которые были в начале нарративной истории, в ней уже провозглашаются внимание к ней, человеческое отношение и сопереживание: Вачай «бережно поднял Тайру», «бережно обмывал разбитое лицо Тайры, потом дал ей напиток из своей наполненной доверху солдатской фуражки», «Стоя на коленях, Вачай поддерживал ей голову» [Там же, с. 127], «Я, дорогая моя!» [Там же, с. 128]. Концептуальный смысл рассказа заключен в словах Вачая, обращенных к Тайре: «Не забывай – мы живем в новое, советское время. Теперь никто не имеет права заставить девушку выйти за нелюбимого человека!» [Там же, с. 121]; «Дело в большой любви. Если она есть, ничто не сможет разделить людей» [Там же]. Это уже было провозглашение нового образа женщины и новых гендерных ролей, важность и ценность которых в рассказе Д. Орая утверждается по принципу «от противоположного». Все ключевые образы и мотивы нарративного дискурса работают на антитезу «старое и новое». Так, например, приверженцем прежнего этногендера и объектом негативной авторской коннотации является образ Опоя. Об этом свидетельствуют сатирические элементы в изображении его внешности, резко контрастирующие с портретом красивого парня Вачая в воспоминаниях Тайры; мотивы пьянства, измены, угроз убийства, побоев жены, увязанные с характером Опоя, и находящиеся в оппозиции к мотивам сострадания, спасения и любви из событийной схемы характера Вачая. Сила гипертрофированной этногендерной пространственно-бытовой традиции в женском сознании подчеркнута автором в следующих образах: в образе матери Опоя (свидетельство этого – ее описание с элементами прямой авторской характеристики: «маленькая, круглая, как шар, сварливая женщина, не чаявшая души в единственном своем сынке» [Там же, с. 116]); в образе женской толпы, окружившей девушку во время сватовства («Будет плакать, голубушка! <...> Айда, пошли в амбар переодеться! <...> Схватив девушку за руки, – со смехом потащили во двор!» [Там же, с. 115]); в образах жен братьев Тайры, которые относятся к ней, измученной и возвращенной отцом из дома мужа, «с открытой неприязнью», считая саму ее виноватой во всех своих бедах: «Любой разговор невестки сводят на разведенных жен, которые не смогли ужиться с мужьями. А почему? Ясно! Больно много о себе думают!» [Там же, с. 120].

Рассказ . Майтукĭ И. Ломберского исключает нарративную архаику традиционного сюжета перехода девушки в другую семью – повествования о несчастье и страданиях с нелюбимым мужем. И дело не только в том, что писатель дает противоположную расстановку героев в социальном мире (в рассказе Д. Орая богатый жених сватался к бедной невесте; в рассказе И. Ломберского – женихи сватаются к девушке из богатой семьи). Мотивный комплекс, сопровождающий топическое пространство данного рассказа и более прогнозируемое и цельное, по сравнению с рассказом Д. Орая, психологическое время, в котором живут отец и дочь, невеста и будущий ее жених, определяются концептуальными установками автора, связанными не с утверждением новых гендерных ролей через подробное изображение отрицаемых художником архетипов сознания и поведения, а с позитивным восприятием самих этих новых ролей в ситуации сватовства. Этим в рассказе . Майтукĭ и определяются отсутствие глубокого драматического пафоса и лавирование героев между традиционным образом жизни и легким игровым началом в восприятии обрядового мира марийцев.

Мотивы, составляющие нарративную историю топического пространства данного рассказа: невеста в доме (как богатство, а не источник будущих хлопот, как в предыдущем рассказе) – первое появление гостей (, разведкаĭ для последующего сватовства) – появление сватов – шуточный ответ отца (он воспринимается не иначе, как попытка отказа от традиции: , Спросите у самой Майтук, что она сама скажет: ей нравится, значит, и мне нравитсяĭ [2, с. 173] (*здесь и далее перевод цитат из рассказа «Майтук» автора – Р. К.*)) – смелый уход невесты от ответа (, Майтук стояла, внимательно всматриваясь своими большими глазами на сватов, затем, ни слова не уронив, ушлаĭ [Там же]) – извинение отца перед сватами (оно сопровождается словами, подтверждающими утверждение нового типа гендерного пространства, в котором нет насилия, а есть духовное единство и объект совместного поиска: , Если не согласна моя Майтук, то насильно отдать не могуĭ [Там же, с. 174]) – красивая девушка радуется жизни – встреча с красивым бедным парнем (автор подмечает, что Вачай записался в комсомольцы, а , живущие до сих пор старым укладом односельчане не уважали комсомолĭ [Там же]) – разговор влюбленных – опечаленная девушка – новое сватовство (на вопрос сватов о том, чем девушка опечалена, отец, снова разрушая прежнюю схему гендерных ролей, замечает: , Спросите сами у моей дочериĭ [Там же]) – решение девушки выйти замуж за любимого парня (это решение отцу не просто сообщено, а заявлено почти в ультимативной форме: , Отдашь – выйду, не отдашь – все равно выйдуĭ [Там же, с. 175]) – непосильный выкуп – домашнее заточение и страдания девушки – бегство из дома – неудачная попытка вернуть девушку через местную власть – отказ родителей девушки от выкупа.

В нарратологической истории в рассказе И. Ломберского тоже есть драматическая составляющая, но, если в рассказе Д. Орая она была связана с воспроизведением страданий женщины в доме нелюбимого мужа, то у И. Ломберского она соотносится с недолгим заточением девушки в родительском доме и страданиями ее родителей. Психологическое состояние родителей Майтук – это, с одной стороны, стыд перед сородичами и односельчанами за нарушение привычных правил сватовства; кроме того, уход дочери из дома – это , исключение из этнического кода “семья как ценность”» [1, с. 114], что дополнительно усугубляет драматическое состояние героев. Они, безусловно, привязаны к пространству прежней бытовой культуры: Шамыкаĭ борется за дорогой выкуп, так как в его понимании – это честь семьи; испытывает стыд за нарушение привычных правил (, Шамыкаĭ и его жена не знают, куда спрятаться, что делать. Боятся теперь выйти в люди. Дочь такого богатого человека вышла замуж за такого бедного. Стыд и срам!ĭ [2, с. 175]); даже допускает деспотическое поведение (, Иди и приволоки свою дочь, ты же мать! – Шамыкаĭ начал ругаться, увидев засобиравшуюся женуĭ [Там же, с. 175-176]). Произведение закономерно заканчивается концептуально значимым событием – отказом от выкупа, что означало победу новых гендерных ценностей, заключенных в бытовом пространстве нового времени: равное право на любовь (неслучайно в этом произведении нет борьбы субъекта-женщины и антисубъекта-мужчины), равноправие и счастье в любви, личностная свобода женщины.

Итак, образ марийской женщины в бытовом пространстве послереволюционного времени рассмотрен нами в аспекте восприятия женским сознанием пространственно-временных координат повествовательных ситуаций, связанных со сватовством и сопутствующими ему событиями (бегство из дома Майтук в рассказе . Майтукĭ И. Ломберского и страдания в замужестве Тайры в рассказе . По воле родителейĭ Д. Орая). Мотивно-образные коды нарративной истории фиксируют наличие в этих произведениях двух типов гендерных этноидентифицирующих ролей: один связан с привязанностью сознания и поведения марийской женщины к культурно-бытовому пространству дореволюционного времени (он провозглашает роль мужчины-хозяина и унижает женщину-страдальницу), другой – ориентирован на освобождение от оков, унижающих женщину обрядов, на освобождение ее души и тела от неоправданного насилия. Концептуальная составляющая обоих произведений содержит в себе актуализированную самим временем идею личностной свободы марийской женщины и уважения ее прав на самовыражение как необходимых условий для счастья женщины, семьи и рода.

Список литературы

1. Кудрявцева Р. А. Этноценностная парадигма художественной структуры марийского рассказа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. 2. С. 111-114.
2. Ломберский И. М. Майтук: ойлмаш // Ломберский И. М. Ойлого. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2007. С. 173-176.
3. Маргин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики / пер. с англ. М.: Книжный дом . ЛИБРОКОМĭ, 2010. 256 с.
4. Орай Д. По воле родителей: рассказ / пер. с мар. А. Кременского // Сосны шумят: марийская проза / сост. А. А. Кременский, К. К. Васин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. С. 113-128.
5. Синцова С. В. Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты): автореф. дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2011. 38 с.

MARI WOMAN IN THE EVERYDAY SPACE-TIME (BY THE MATERIAL OF THE STORIES OF THE 20S OF THE XX CENTURY)

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Mari State University
kudsebs@rambler.ru

The article is devoted to analyzing the image of a Mari woman in the everyday space of post-revolutionary time in the stories by D. Orai "By the will of the parents" and I. Lombersky "Maytuk". For the first time the author tries to reveal the specifics of gender representation of the Mari ethno-identity in the prose of the 1920s by identifying motive and figurative codes registering the chronotopic perception of a woman and level of attachment of her consciousness to the cultural and everyday space of the old and new time.

Key words and phrases: Mari literature; story; space and time; ethno-gender stereotypes; gender representation of the Mari ethno-identity.

УДК 8; 81:373.47

Филологические науки

В данной статье рассматривается проблема поиска подходящих эквивалентов английской лексики в сфере наименований видов занятости. Автором проведен анализ семантических различий дефиниций «profession», «occupation», «job», «position». Аргументируется мысль о том, что при переводе с английского языка на русский следует учитывать специфику значения слова и выбирать русское соответствие, наиболее точно отражающее английскую реалию. Такая точка зрения будет интересна специалистам в области переводоведения и в преподавании английского языка.

Ключевые слова и фразы: лексика со значением , профессия; соответствие; корреляция; перевод; асимметрия.

Кузьмин Артем Александрович

Воронежский государственный педагогический университет
IzIom@yandex.ru

ПОНЯТИЙНАЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ВИДОВ ЗАНЯТОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©

Номинативная функция языка, согласно мнению многих ученых, это постоянное называние предметов, отнесение слова к предметам, воспринимаемым нами чувственно. Поскольку слово является предметно-отнесенным, а предмет заключает в себе единство общего и единичного, то это единство, естественно, находит свое отражение в значении слова, в сочетании абстрактно-понятийного и конкретно-чувственного моментов. Образы могут входить в состав значения как отдельные его компоненты, но основным стержнем значения, его сутью является понятие.

Еще Лейбниц утверждал, что , при употреблении языка следует обращать особое внимание на то, что слова есть не только знаки мыслей, но и знаки вещей [1, с. 225]. Отсюда необходимость переводчика знать и историческую обстановку, о которой повествуется в художественном тексте, и, следовательно, названия всех реалий этой обстановки. Если же в языке перевода отсутствуют эквиваленты этим названиям (как правило, по причине отсутствия подобных реалий), переводчику приходится подбирать наиболее близкие по значению слова-заместители.

Определенные семантические и культурно-исторические расхождения зачастую приводят к некорректному употреблению этих лексем не носителями языка. Большинство россиян не ассоциируют дефиницию , professionlĭ (, профессия) с наличием у действующего лица специального или высшего образования. Также при составлении персональной анкеты наши соотечественники часто употребляют графу , professionlĭ (, профессия) вместо , occupationlĭ (, род занятий) и предпочитают употреблять слово , occupationlĭ (, род занятий) в значении , оккупация». Говорящие не задумываются о правильном поиске соответствия в другом языке, предпочитая использовать близкие по звучанию слова, называемые часто , ложные друзья переводчика, например, при письменном переводе обнаруживаются ошибки в понимании слов , positionlĭ , tradelĭ: , His position is an English teacher» – «Его позиция – учитель английского», «Он юрист по профессии» – , He is a lawyer by tradeĭ.

Особая ответственность переводчика заключается в том, что он должен не только понять инокультурный текст, но и трансформировать его в другое культурно-историческое пространство. Таким образом, если неверное понимание текста рядовым читателем – это по большому счету его личная проблема, то переводчик позволить себе такой роскоши, как ошибка, не может. Он должен осуществить идиокультурную переводческую адаптацию.

При переводе с одного языка на другой мы сталкиваемся с множеством языковых и стилистических трудностей. Сфера наименований видов занятости представляет особый интерес современному филологу. Так, перевод слова , professionlĭ (, профессия) на русский язык имеет определенную особенность. Во-первых, данное слово имеет несколько почти равноправных синонимов: *occupation* (род занятий), *job* (работа, труд), *position* (должность, позиция), *vocation* (призвание, склонность), *employment* (служба, занятие), *field* (поле дея-